

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАРИТЕТЫ В ЯЗЫКЕ БЕСЕРМЯН В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ УРАЛЬСКИМИ ЯЗЫКАМИ

А. И. Кузнецова

1. Что можно считать раритетными явлениями и каковы их признаки?

Языковые явления в области лексики и грамматики, обычно не обращающие на себя или мало привлекающие к себе общее внимание, часто никем не описанные, а лишь вскользь упомянутые тем или иным автором, можно назвать (подобно редким ценным вещам, музейным предметам) раритетными. Обычно раритетные явления в самых разных языках (напр., самодийских и финно-угорских, в частности, в языке современных бесермян) с трудом отслеживаются и неоднозначно интерпретируются. При этом изредка то, что нечасто встречается в одних языках, может быть частотным явлением в других языках. Более того: раритеты в языковом материале — не постоянная величина. Она изменяется во времени. В одном и том же языке раритетные явления то появляются, то пропадают (порою лишь на время) в отличие от реликтов, сохраняющихся как пережиток от древних эпох без всяких изменений. Раритеты единичны и неустойчивы при своем появлении, могут исчезнуть из языка совсем или закрепиться в нем и развиваться дальше, утратив имеющиеся у них категории или приобретя новые, перестав в таком случае на какой-то период быть раритетными. Разными могут быть и источники их появления. В области лексики это чаще всего заимствования, причем не только из других языков, но и из диалектов родного языка. Не исключено, что диалектные слова, уже сейчас активно попадающие в интернет, со временем получают широкое распространение, проникнут и в литературный язык. Упомянутые явления наблюдаются во многих языках разных языковых семей¹. Подобная ситуация (грамматические изменения в том или ином

¹ Можно привести несколько случаев проникновения в современный русский язык отдельных слов из диалектов или словосочетаний, типичных не только для древних, но и для более поздних эпох. В СРНГ [Филин 1972] приводятся примеры из разных диалектов на местоимения *этой*, *-я*, *-о* 'этого', *-а*, *-о*' (1929 г.) и *етто* 'это' (1948 г.). В последние годы были зафиксированы глаголы, образованные от тех же местоимений (грамматический статус которых трудноопределим), но в других диалектах. В настоящее время на наших глазах, судя по материалам Национального корпуса русского языка, зарождается новое слово несколько странной формы и значения (по результатам поиска — более 2 200 примеров): *этовать*, образованное от указательного местоимения *это* и означающее 'заниматься чем угодно, аналогично английскому глаголу DO (direct object)'. В русском языке прямое дополнение обычно выражается именем существительным или местоимением без предлога в Асс. Напр.: «Ну ты это *этовал*?» Или (без выраженного дополнения): «...вообще я правдолюб, поэтому прошу тут не *этовать*». Создается впечатление, что данный глагол может заменить любое, забытое в конкретный момент, слово, обозначающее предмет или какое-либо действие (обычно переходное), название которого в данный момент не приходит говорящему на память, т. е. «*это* + *делать*, *сделать нечто*»: «ты полку *приэтовал*? (= приби(ва)л)», «Ты мне зачем весь проход *заэтовала* (= загородила, загоразивала)? Ну-ка, быстро разэтовай (= освободи, освобождай, очисти, очищай;), а то я не сэтовуюсь (= не справл(я)юсь) никак!»; «я конверт *заэтовала*» (во всех приведенных случаях можно жестикулирующей дополнительно объяснять, что конкретно человек делает, напр., заклеила конверт или написала его). Приводимые здесь примеры на невозвратные глаголы с основой *этовать* могут быть и совершенного, и несовершенного видов, что отмечено в скобках, где даются оба варианта. Неустойчивость в языке грамматических категорий, подобных приведенным примерам с транзитивным глаголом *этовать*, можно проследить, начиная с глубокой древности. Напр., в русском языке XI в. глаголы *дъждити* и *сияти* были переходными (транзитивными) и означали «посылать дождь, свет»: «Слънце своѣ сияеть на зьлыя и на благаы, и *дъждити* на правьдныя и не на правьдныя» [Остромирово евангелие. Мф. V.45]; «Съ же *дъждити* хльба съ нбсе си млтвож

языке, в частности, переход слов из одной категории в другую) наблюдается, напр., в языке бесермян. Среди искомым раритетов в статье будет уделяться внимание разным (но далеко не всем) примерам подобного типа, как из области грамматики, так и из области лексики.

К числу рассматриваемых лексических явлений можно отнести слова или их отдельные устаревшие грамматические формы, характерные для специальной или устаревшей лексики. В последнее время многие обряды, связанные, напр., с народными праздниками, исчезают из обихода, в связи с чем бывает трудно решить, относить используемую (хотя часто и полузабытую жителями) лексику к разряду этнографических терминов или считать полузабытые наименования обрядовых празднований лексическими раритетами. В качестве примера такого рода случаев будут рассмотрены некоторые народные праздники бесермян, при описании которых используется лексика, бывшая когда-то общеупотребительной, а теперь функционирующая в качестве научных терминов и быстро забываемая не только молодым, но и старшим поколением бесермян.

2. Лексические раритеты в современном языке бесермян

Наибольшую трудность (при решении вопроса о том, что относить к редким явлениям в языке, а что нет) представляют собой устаревшие слова и выражения. Называть ли их все раритетами в современном языке или, выделив среди них определенную группу слов в качестве специальной, интерпретировать именно ее как раритетную? Но в таком случае термины родства или наименования разного рода древних празднований, обрядов, устаревших в настоящее время, и, тем не менее, еще хорошо известных старшему поколению, попадут в разряд терминологической лексики. С годами число людей, знающих термины родства/свойства и стремящихся соблюдать древние обычаи, уменьшается, как уменьшается и само количество старых обрядов и праздников, заменяющихся новыми. Остаточные явления такого рода и редко встречающиеся слова, обозначающие их, в равной мере можно считать и раритетными, и терминологическими (последнее в том случае, если речь идет о специалистах, их изучающих). Что касается отношения к данному вопросу жителей деревни

не имаше правдъныхъ» [Григорий Назианзин. XI в. 53]. В качестве транзитивного глагол встречается и позднее: «Господь же... повелъ облакомъ дождити дождь необыченъ» [Хронограф 1512: 289]. «Яко же богъ равно дождитъ, и возсияваетъ солнце на благихъ и злыхъ» [Фирсов 1660: 96]. В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит примеры: *Господь дождит на нивы; Поп дождит кропилом* и др. [Даль 1955]. В первом из двух последних примеров глагол переходный, чего нельзя с уверенностью сказать о втором, хотя оба глагола несовершенного вида. В настоящее время форма глагола дождитъ употребляется в народно-поэтическом творчестве: *А ведь день за днем, как будто дождь дождит, А неделя за неделей, как река бежит*. В отличие от примера из Хронографа XVI в., где глагол стоит на первом месте, допуская трактовку глагола как переходного, и примера, в котором при глаголе дождитъ имеется предлог *на*, указывающий на его транзитивность, в приведенных примерах из [Даль 1955] второй пример (*поп дождит кропилом*) свидетельствует о возможной трактовке глагола дождитъ как двувидового. Что касается употребления глагола дождитъ в форме интранзитивного глагола несовершенного вида, то он употребляется только в безличной форме (дождит), а глаголы приставочные в безличной форме бывают совершенного вида: *Опять задождило; Отдождило, прояснело; Хоть бы подождило* и др. Таким образом, можно констатировать происшедшее изменение глагола дождитъ из транзитивного в интранзитивный. Не меньше случаев в современном русском языке обратного перехода глаголов из непереходного в переходный, как, напр., давно узаконенное сочетание *бежать дистанцию*; ср.: *постарайся поскорее заснуть ребенка; не я выйду, а меня выйдут (из трамвая); надо лопнуть мяч* и т. п. Даже в стихах можно встретить подобные отклонения от существующей нормы: *Милые девушки! Верьте или не верьте, — Сердце мое поет только вас и весну...* (Владислав Ходасевич, 1916 г.).

среднего и особенно молодого возраста, то для них все то, что будет в дальнейшем интерпретироваться как лексические раритеты, следует относить к лексике устаревшей и мало кому знакомой.

2.1. Наименования народных празднований и обрядов

В настоящее время молодые носители языка (разумеется, речь не идет об этнографах) не только, как правило, плохо знают суть праздников и правила их проведения, но и предпочитают рассказывать о них на русском языке, в отличие от представителей старшего поколения, описывающих праздники по-бесермянски.

К числу подобных праздников можно отнести праздник «красной борозды», как его зовут жители деревни Шамардан, АКАШКА/АКАЯШКА. По другой версии, *акашка* зовется *гэрь поттон* ‘вынос сохи’ [Попова 2004: 88]. Когда-то это был многодневный весенний земледельческий обряд, сопровождаемый обрядовыми напевами² и «в полном объеме проводимый в бесермянских и удмуртских селениях, а ныне в довольно усеченном виде существующий в различных местных вариантах» [Шаховский 1993: 30]. В конце прошлого века В. К. Кельмаков в своем «Кратком курсе удмуртской диалектологии» [Кельмаков 1998], опубликовал пять текстов, записанных Т. И. Тепляшиной в Шамардане в 1960—70-е гг., в том числе — о праздниках *акашка* и *вожо*.

Старшее поколение мужчин в д. Шамардан, которому в настоящее время около 80 лет, с детских лет помнит эти празднования и может многое рассказать о них на родном языке. Однако женщины послевоенного поколения, которым сейчас 50—60 лет, вспоминают, что в молодости они присутствовали на праздновании лишь на второй день и проводили его по-иному, чем это делали мужчины. Хотя данный праздник должен проходить регулярно перед посевом, в последнее десятилетие, по признанию местных жителей, он отмечается не всегда: *Туэ милям акашкамэ эй вал* «В этом году акашки у нас не было» (в 2003 г. акашка праздновалась в с. Абашево). Рассказы женщин об этом празднике обычно велись на русском языке, несмотря на очень хорошее владение ими родным языком; при этом нередко начатую по-бесермянски фразу так и не кончали, а отдельные слова родного языка, пришедшие в голову, перемежали с русскими словами. Фраза на бесермянском языке не всегда соответствовала фразе на русском языке: «*При праздновании акашки били по очищенному бревну, которое гудело, и пели арафа крезь “канун” (<тюрк.). Бревно и чолпан (çolpan ‘колотушка’³) через голову бросали потом в реку. В канун весь обряд делали старики, на следующий день — молодые и средние. Вуж кутьйос сутон, лэ сутон сутэнэ. Старые лапти искали везде, сжигали, кости (собирали). Сжигание старых лаптей делали на обряде; обеспечивали теплое лето. Лапти — повозка для насекомых. Поминальный обряд — в лапти кладут пух, перья, тлеющий уголь и уносят из деревни*» (ПМА. 01.07.2005, с. 97).

² В песенной культуре бесермян обычно выделяются два основных песенных пласта. Термин *мадь* ‘песня’ происходит от *мадиськон* ‘то, что рассказывается’; на первый план выдвигается при этом (как и в термине *крезь*, означающем в переводе — ‘мелодия, напев, голос’) обрядовая функция: «*мадь* выступает как жанр песен объективированного, а *крезь* — субъективированного высказывания» [Шаховский 1993: 67]. Иными словами, песни *мадь* имеют сюжет (*мадьыны* — ‘рассказать, загадать загадку’), а песни *крезь* являются импровизацией, напевом то грустным, похоронным, то простым, общим, исполняемым в любой обстановке. Это могут быть песни без слов, без сюжета (то, что в марийском языке соответствует термину *вияш муро* ‘простая мелодия, без слов’); просто ритмическое пение.

³ Слово имеет еще и переносное значение ‘неслух’ (о ребенке), ‘лентяй’.

Совершенно по-иному предстает перед нами праздник *акаяшки* в рассказе непосредственного участника самого праздника, мужчины:

Kiž'anə pətemlaš' wal'l'ö, leš'to akaška / So luə gord borozda // Kək, kwın' kotar kotarč'iko plugən, valən gəro // Kiž'emlaš' wal'l'o kiž'eš' borozdaə šui ulə kək-kwın' čebermatəm kokos punə // Səre so/əla šo/əto šu gram vina // So šabaš kare. // Med luoz umoj jutəš'ma / d'eš' med budoz; inmar med vož'maloz, gədəraləš' / təpu / ləš / kwaštə, zorze med šətoz // Səre kiže kiš-kwamən metər // Səre l'ukaš'ko vičak, ödig / gəže kotar pukš'ə // Wališko šan'g'i / vina punə // Juö / š'jo / mad'ö / kərž'alo // Pinal'jos ž'əčəralo / valjosan čošəčko // Kiroš anajoz kurek koko tros nuo // Otan ik šötolo kiroš pin'al-osoš-la // Səre koško, korkaš' korka// Paralo // Vina juo / šukaš' juo. Mad'ənə kuč'kizo kərž'anə.

Вольный перевод (самого рассказчика): *Перед выходом на посев* (букв. 'сеять') *делают праздник акашка. Это будет* (праздник) *красная борозда. Два-три круга вспашут плугом, лошади пашут. Перед посевом сеятель в борозду под землю два-три крашеных яйца кладет. Потом ему дают 100 грамм вина. Он пьет во здравие* (букв. 'делает тост'): *Пусть будет хороший урожай, пусть хорошо растёт* (букв. 'пусть хорошим растёт'); *Бог пусть охраняет от грома, от огня (пожара), от засухи. Пусть Бог даст дождь*. Потом собираются все в одно место, в круг сядут. Кладут (по словам рассказчика, «ложат». — А. К.) *шаньги, вино дают, пьют, кушают, поют песни, напевы. Качаются на качелях, на лошадях соревнуются. Крестные матери куриные яйца много несут. Там же раздают крестникам. Потом ходят по домам. Ходят, вино пьют, квас пьют. Песни петь начали* (Запись сделана от Сабрекова Владимира Михайловича, 1932 г. р., 24.06.2003, ПМА, с. 52—53).

Праздник ВОЖО (vožo — рождество). «В этот праздник пекут *сочни kuar n'an'* (букв. 'лист + хлеб') с коноплей (*pəš ken'et* 'зерно конопли'), тесто пьяное». 19 января в Шамардане, по словам одной жительницы, «*Vožo k'el'ano, džuk pəštiško*» ('Вожо провожаю, кашу варю'). О вожо, которых опасаются, хотя иногда и сомневаются в правдивости услышанных историй, рассказывают чаще, чем об акашке. На вопрос, кто такие вожо, любят вспоминать разные истории, свидетельствующие, с одной стороны, о популярности вожо, с другой стороны, об осторожности говорящих, опасующихся, как бы чего не вышло плохого: «*мы их не видим, но они как люди. Опасны; обитают где-то (на небе, что ли?), летом — во ржи; опасны*». В подтверждение этого мнения было рассказано несколько разных историй, причем, наряду с **ВОЖО** — духами, жители говорят и о **ВОЖО** 'ряженных'.

1) *Vožo ряженные; надо обязательно идти колядовать в нечетное число домов (3-5-7, 11), тогда болезни уйдут. Сверху вожо (vožoos) спускаются вниз, уносят болезни, всё плохое; оставляют хорошую жизнь на год. Когда заходим в дом, начинаем плясать, с гармошкой, но не петь, вместе с нами заходят в дом «белые люди» (ted'o ad'atı) — духи. «Мы (ряженные) с иного мира» (будто они пришли, их угощают kuar n'an' с коноплей, семенами укропа). N'an' da med daltoz! «Да пусть хлеб (урожай) у вас будет! — говорят ряженные».*

2) *Сон я каждый год вижу под рождество: у речки всё косят люди какие-то. Сон рассказала. Бабушка говорила: Vožoos пришли. На рождество нельзя ходить одному после 12 — ходят Vožoos, это их время. На развилке трех*

дорог надо послушать — слышна музыка: похоронная или хорошая? Ночью мужчина поехал в Ворцу. Там лес, лог: *Əbdžik* (лог)... *Kačonšur* (лог), *Koblan'uk* (лес кобылы); в его сани сели три солдата, из леса вышли, прыгнули и снова в лес. Пьяный мужик (возле домов были из ёлочек заборчики по грудь) пьяный мужик шел после 12 часов ночи; его кишки утром нашли, их развесили по заборчику. 19 января провозжают воžo: лучинку зажигают, квас берут и рюмку водки. Из дома провозжают до соседнего дома, до конца деревни с огнём, до ноль-ноль часов. Если после 12, духи воžo унесут с собой. Человека не найдут. Есть часы, когда лес сам отдыхает. Есть места, где хозяин леса, поля отдыхает. Туда нельзя ходить и что-либо там трогать. У черемухи в поле, когда рожь попевает, — привидение было. Маме я тогда понесла обед, иду — *вжиг-вжиг*. Стою — тихо. Может, это самовнушение? Пойду — опять *вжиг-вжиг*! (Запись сделана от Курочкиной Надежды Викторовны, 1957 г. р. 27.06.2004, ПМА, с. 80—82).

Вожо бывают разные: *Ted'o ad'ami* — духи, белые люди. В упоминаемом выше тексте о вожо в записи Т. И. Тепляшиной, сделанной ею в д. Шамардан в 1963 г., говорится: «Глянула вперед и испугалась: изо ржи вышли более десяти белоснежных, высотой с человека, вожо. На одном месте поплясали и обратно ушли в рожь» [Кельмаков 1998: 311]. В 2004 г., спустя более, чем 40 лет, после приведенного эпизода, в том же Шамардане жители признавались, что страшнее всего вожо во время цветения ржи: «В сани (к человеку, ехавшему из Ворцы, — А. К.) сели три солдата, из леса вышли, прыгнули и снова в лес». Здесь вожо представлены в ином облике — в образе солдат. Однако в обоих случаях речь идет о том, что привиделось; это нечто мнимое, чего нет на деле (напр., призрак человека отсутствующего или умершего).

Духи бывают разные. *Mun'čo/tičo kuz'o* — банный дух (букв. 'хозяин бани'). *Gabeč kuz'o* — домовый (в подполе); домовым пугали детей: *Korka kuz'o potoz, tone gobeče portoz* 'В дом дух придет, тебя в подпол унесет'. Ср. также: *lud kuz'o* — дух поля; *č'aš'a kuz'o* — дух леса; *vi murt* — дух воды. С любым из них жители деревни могли встретиться как в доме, так и вне его.

В рождество появляются ряженые, которые делают для устрашения встречающихся им односельчан маски, пугала (*kaškaton* 'страшилки, ужастики'): на лицо натягивают капроновый чулок, надевают шубу, вывернутую шапку, покупают протезы, очки. *Mi vältimü vožojaš kiškənə. Vožoos kuarazes vuštalyzə. Gonəz valan' jər valtis bereč'kə, bereketəman šuba*. «Мы ходили колядовать (вожо обрызгивать). Ряженые голос свой меняли. Шерстью вверх через голову для спорости перевернул; вывернутая шуба». Последняя фраза — скорее толкование, чем ее перевод.

Известны жителям Шамардана и **другие праздники**. Напр., *kərban* — Корбан (удм. Курбан) — праздник окончания полевых работ; *Verba kresin'n'a* — Вербное воскресенье перед пасхой. С удовольствием шамарданцы вспоминают праздник, сроки проведения которого вызывают споры — от середины февраля до начала апреля или конца марта. Бесспорным было только его название — *bragá*, которую варили, собираясь в одном большом доме, и в который сносили картошку, муку, воду, сахарный песок, смешивали все, варили кашу, добавляли закваску (*majal* 'дрожжи'), наливая горячую воду. Впрочем, одни переводили приведенное слово как *брага*, другие — как *квас*; иные считали напиток самогоном и называли его *кумышкой* (*kitəška*). «Из ржаной муки делали тесто (*piš*). Делали закваску (*šet*), в кадку лили воду (*vi*) и закрывали кадку на несколько дней. Добавляли траву *tuk* 'хмель'. В ведрах варят, через трубки отцеживают. Бывало немного хмельного. Молодые девушки готовили, с улицы то и дело парни

и девушки заходили и выходили. На улице с двух сторон стояли парни, хлестали выходящих (особенно девок) ивóвыми прутьями» (*bad'ri* 'верба, ива, ветла, ракита').

Gəron batton — праздник в честь окончания сева яровых (удм. *гырон быдтон* 'окончание весеннего сева'): «отсеялись; перед выходом косить собирались, но в деревне, на лугах, а не на полях. Резали бычка, варили кашу». *Mikal'ov pipal* (21 ноября, н. ст., Михайлов день) отмечался по три дня: «Гости-родня из других деревень в Шамардан едут, особенно из Ворцы; а в Ворцу едут из Шамардана на Постной день (5 декабря). По три дня живут».

Особенно часто поминают праздник *kəban'ča/kipan'ča* — День Ивана-купала, 24 июня ст. ст. = 7 июля н. ст. В день Ивана-купала «собирали 12 трав против 12 болезней по количеству у человека 12 отверстий». Не менее памятен в Шамардане и День Петра и Павла (29 июля ст. ст.). С этими праздниками связаны гадания, различающиеся у старых и молодых: собирают березовые веники, которыми парятся по одному человеку в бане, потом бросают веник на крышу бани. У старых людей есть примета: «Если *ven'ak pəd* (черенок) повернут в сторону Ёжево, умрешь; если нет — живи!» Иначе выглядит гадание на венике у молодых: «веники бросали через голову на крышу бани; куда упадет ручкой, оттуда и жених будет». К сожалению, количество людей, знающих старые праздники и соответствующие обряды, заметно сокращается. Лексика, связанная с праздниками и обрядами, пока не превратилась в раритетную, но заметно оскудела, стала кандидатом на «раритетность»: часто слово известно, но его значение, суть явления, которую оно передает, полузабыто и употребляется сравнительно редко и не всегда правильно.

Вместе с тем в деревне сильна вера в разного рода приметы, нарушение которых может привести к плачевным результатам. Из поколения в поколение передаются истории, случившиеся в деревне, или только их последствия: «Рябина в большом огороде у Геннадия Николаевича (там каменный забор), срубить нельзя. Туда все носили масло в плошке к рябине. Трогать рябину нельзя: чирей выскочит, заболеешь». Или: «Это — священное место. В другом доме два брата и две сестры инвалиды по зрению, так как они детьми купались в одном месте, где этого делать нельзя. Опасное место». Судя по приведенному рассказу, вера в приметы и соблюдение (хотя и не полное) древних обрядов сохранились и донныне.

2.2. Термины родства и свойства как раритетные явления

К лексическим раритетам в языке бесермян можно отнести также многие термины родства и свойства, не известные молодому и даже среднему поколениям и с трудом вспоминаемые представителями старшего поколения. В языке бесермян среди представителей старшего поколения нашлось всего несколько человек, которые сохранили в своей памяти сведения о существовании древнего обряда 'избегания', требующего запрета называть родственников, старше тебя, по имени. Правила именованья в семье детей забыты большинством жителей. Напр., старшие братья и сестры звали младших по имени, но как только появлялись новые братья и сестры, то младшие своих старших должны были звать дядей и тетей, сохраняя, таким способом, преемственность традиционного именованья членов одного бече/бечо (ближайшая родня, включающая в свой состав колена от одного предка, родственников и свойственников). При этом чаще речь идет о патронимическом гнезде, реже — о матрилинейных семьях.

Сохранившийся до сих пор в языке бесермян синкретизм значений в терминологии родства и свойства называется древнеанглийским словом *сиблинг*,

означающим слияние в одном слове сразу нескольких понятий. Напр., *tataj* и *ž'až'aj* — это 'тетя' и 'дядя', но при наличии двоюродных более молодых сестер/братьев старшие для младших равны 'тете/дяде'. В результате младшая двоюродная сестра (аналогично и брат) должны звать старшую двоюродную сестру тетей (*tataj*; брата — *ž'až'aj*), а старшая младшую (младшего) — по имени, см. подробнее [Кузнецова 2004; 2007: 189; 2008а: 90].

Иногда местные жители пользуются словами удмуртского языка (напр., *кали* или его вариант *кал'о* 'старшая сноха', т. е. жена сына по отношению к свекру), но в другом значении — у бесермян это 'две жены двух братьев по отношению друг к другу' (что соответствует русскому диалектному слову *ятровка*).

Если от представителей старшего поколения удалось собрать около 70 наименований терминов родства и свойства, то поколение среднего возраста вспоминает не более 50 названий, из числа которых молодые используют в своем языке менее половины; многие слова родного языка заменяются русскими. Забыты не только сами термины родства и (особенно) свойства, но и правила обращения младших к старшим. И лишь редкие представители старшего поколения хранят в своей памяти первичные (а может, уже пришедшие на смену еще более древним?) термины родства и свойства.

Приведенные примеры из лексики, с одной стороны, *устаревшей*, с другой стороны, *узкоспециальной*, позволяют высказать предположение, что именно эти факторы (часто сопутствующие друг другу) способствуют постепенному переходу многих лексем в разряд раритетов.

3. Грамматические раритеты

К грамматическим раритетам относятся редкие явления среди разных частей речи, что будет рассмотрено в основном на примере глаголов и существительных. При этом не всегда легко определить, что считать редким, а что не редким явлением. Напр., известная неустойчивость отдельных форм слов в той или иной парадигме многих языков — явление не редкое (ср. русск.: Род. п. *расхода* и *расходу*; Предл. п. *в роде* и *в роду*; *хочу чая/чаю*; *раздушенный* и *раздушённый*). Столь же нередки дефектные парадигмы, из числа которых лишь единичные можно считать раритетными, не характерными для большинства других языков. Точно так же частиречная омонимия (при которой одна и та же форма используется как форма и прилагательного, и существительного, и наречия) встречается не только в уральских языках (для них она более характерна, чем для языков славянских, в том числе — для русского), но и в ряде других. При этом омонимия частей речи тоже далеко не всегда и не во всех языках может быть отнесена к разряду раритетных явлений. Вместе с тем, явление, претендующее в каком-либо языке на квалификацию раритетного, редкого (а часто и оказывающегося им), может быть разбросано по самым неожиданным и далеким языкам. В данной статье не ставится вопрос о причинах большой удаленности и разобщенности сходных результатов по всему земному шару (хотя подобные факты известны и их достаточно много, см. [Кузнецова 2008б]). Это вопросы, которыми занимается ареальная лингвистика. В статье лишь фиксируется наличие подобных явлений в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии, где проживают бесермяне, и в ряде других сел этого ареала, и проводится сопоставление сходных случаев с аналогичными в некоторых языках той же (уральской) языковой семьи.

Провести границу между тем, что в данной статье названо раритетами и дефектными парадигмами в грамматике, очень трудно, тем более, что сами дефектные парадигмы и их разновидности в уральских языках встречаются

достаточно часто, как и в языках других семей (см. [Кузнецова 2008б]). Пытаясь установить эту границу, необходимо учитывать, что она может быть разной для разных языков: то, что интерпретируется для одного языка как дефектная парадигма, для другого воспринимается как явление раритетное.

3.1. Раритетные явления в грамматике существительных

В уральских языках существительные могут иметь предикативные формы, изменяясь не только по лицам и числам, но и по временам. Однако употребительность предикативных форм времени у имен в разных языках разная: в самодийских языках она значительно больше, чем в финно-угорских. Следует ли в такой ситуации говорить о раритетных явлениях не в уральских вообще, а только в финно-угорских языках, или правильнее фиксировать раритеты в пределах всей уральской семьи, хотя для самодийских языков так называемые «раритеты» будут нормой?

В самодийских языках наблюдается вербализация существительных. В ненецком, энецком, нганасанском языках имеются не только категории лица и числа у имени, но и предикативные формы прошедшего времени, представляющие собой аналитическую конструкцию. Напр., энец. *камирууэсь* (< *камиру* + *эсь*) *кани*; *назааэсь* (< *наза* + *эсь*) *кани* ‘упокоился, покойником стал’. И. П. Сорокина в книге «Энецкий язык» [Сорокина 2010: 166—167] считает, что «В ненецком и энецком форма инфинитива глагола *быть* обнаруживает тенденцию к срастанию с предшествующим именем и тем самым к превращению в формообразующий показатель. Напр.: нен. *Вы’ я’ иба’ нягы, хэвда пэдаранэ* (-*нэ* < *нэсь*) *хая* ‘Часть тундры, находящаяся южнее, стала лесом’; энец. *Чики нэ эчи сойза катыэсь кани* ‘Эта девочка красивой девушкой стала’». Как видно по приведенным примерам из разных языков, вербализация имени в самодийских языках имеет достаточно большое распространение.

Вербализация имени в языке северных селькупов, где существительное имеет глагольные окончания 1-го и 2-го лица, т. е. спрягается (*qum-ǫk / qum-ǫnty* ‘Я/ты человек’; букв. ‘Я человекаю, ты человекаешь’), чаще встречается на примере одушевленных существительных (названий лиц, реже — животных) и формально допустима от неодушевленных предметов. Едва ли не впервые на этот факт обратила внимание Л. А. Варковицкая, которая, работая с селькупами Верхней Баихи, в июле 1941 г. записала примеры с глагольными окончаниями у существительных: *Mat qumok* ‘Я человек’; *Mat Ičakečikanok* ‘Я Ичакечика-есмь’. На полях тетради появилась запись: «Это 2-ой пример. Проверить предикативную форму имени» [Кузнецова 2008/2009: 372]. Действительно, факт подтвердился: Варковицкой удалось записать 15 фраз подобного типа, среди которых примеры были синтетические (только для 1 и 2 Sg) и аналитические. Для передачи прошлого и будущего времени используются и сейчас сочетания предикативных форм с формами времени глагола *εqo* ‘быть’: *Mat ijaŋǫk εsak* ‘Я был ребенком’. Ср. также: *Man tǫntu šǫnty pǫry-sǫ εŋa* (или усеченная форма *pǫryε*) ‘Мой дом — с новой крышей’ [Кузнецова и др. 1980: 190]. Вряд ли можно отнести данные явления, типичные для всех самодийских языков, к раритетным, но интересно сопоставить это с ситуацией в финно-угорских языках.

В финно-угорских языках, как и в самодийских, данное явление тоже наблюдается. Примером спряжения существительных, выступающих в функции сказуемого, можно считать, напр., эрзянский язык, где в селе Шокша были записаны фразы, представляющие собой вербальную репрезентацию имени:

Mon’ eris’an tont’ vel’in ‘Я житель этой деревни’ (букв. *жительствую*);

Mon' ilin' Šokša-velin'an, a ton Moskovošin'at 'Я шокшанка (что-то, вроде Я шокшаселянствовала), а ты москвичка' (букв.: 'москвичишь или москвогородишь');

Ton sokaws'at (Norat'at, Kraut'at) 'Ты из Сокаево (Нароватово, Кураево)' и т. п.

Существительное, употребляемое в функции сказуемого, может присоединять глагольные показатели и к русским заимствованиям: *Ton lent'aj-at* (букв. *ты лентяй-еишь*) или: *Ton lent'aj-at robotams* 'Ты ленишься (лентяйничаешь) работать'. Однако далеко не во всех финно-угорских языках наблюдается вербализация существительных, в связи с чем в целом для уральских языков трудно говорить об именном спряжении как о раритетном явлении, но следует подчеркнуть заметное преобладание именной вербализации в самодийских языках при единичности и периферийности его в финно-угорских.

Как видно по только что рассмотренному примеру, далеко не во всех уральских языках имеются одни и те же категории. Падежные системы есть во всех языках, однако нередко среди них встречаются системы, отличающиеся от других, находящихся в большинстве. Так, в языке бесермян по сравнению со всеми остальными волжскими языками отмечается **наличие частных падежных систем**, к которым можно отнести парадигмы имен родства/свойства и имен собственных, что связано с понятием синкретизма. В свою очередь, синкретизм связан с появлением в именной парадигме разных окончаний для существительных одушевленных и неодушевленных, с одной стороны, и личных и неличных, с другой. При отсутствии категории рода во всех уральских языках взаимосвязанность категорий одушевленность/неодушевленность и личность/неличность вызывает особый интерес. В частности, с терминами родства не употребляются *Approximativ* и *Terminativ*, на что обратила в свое время внимание Энико Сий [Сий 1998: 117].

Для удмуртского языка характерна сходная картина (подробнее см. [Кузнецова 2008б: 412—414]): одушевленные существительные имеют семь падежных форм (местн. / *Iness.*, входн. / *Ill.*, исходн. / *El.*, отдал. / *Egres.*, перех. / *Prolat.*, направ. / *Approx.*, предельн. / *Term.*), значения которых в случае необходимости передаются с помощью послелогов. В этой ситуации также можно говорить о дефектности падежной парадигмы с точки зрения плана выражения: часть парадигмы выражена синтетически, а часть аналитически, с помощью послелогов, в то время как неодушевленные существительные имеют полную падежную парадигму.

Однако в языке бесермян парадигма одушевленных существительных (по крайней мере, для некоторых смысловых групп) является полной, но окончания у них иные, чем у неодушевленных существительных. Этот факт характерен, в частности, для говора д. Шамардан и зафиксирован в речи информантов всех возрастов, хотя у молодых иногда проскальзывают сбои. Многие носители шамарданского говора указывают на различие склонения одушевленных существительных в Шамардане и в соседних деревнях. В пределах одушевленных существительных *особенности падежного управления* некоторых из них *находятся в зависимости от категорий личности/неличности*, а не только от категорий одушевленности/неодушевленности.

Действительно, из семи перечисленных ранее удмуртских падежей (все они есть и в языке бесермян) первые пять в языке бесермян имеют свои особые окончания только в группах имен родства и в именах собственных. Это может быть продемонстрировано на примере слов *en'gej* ('золовка = жена старшего брата по отношению к его младшей сестре') и *P'et'a* 'Пётр'. В то же время в

неличных именах одушевленных (напр., в наименованиях животных) и в неодушевленных используются послелого, а также несколько иные окончания, отличающиеся от окончаний в личных существительных согласным *-n*, относительно происхождения которого могут быть высказаны разные предположения с позиции исторической фонетики и/или двуосновности имен. Ср. также точки зрения К. Е. Майтинской [Майтинская 1955]; Н. И. Терешкина [Терешкин 1961], М. Е. Евсевьева [Евсевьев 1929], В. К. Кельмакова [Кельмаков 2006]; Л. Ельмслева [Ельмслев 1972].

Iness. *en'gej-nən, P'et'a'-nən*, но *skal-ən, skal dorən / pušk-ən* (*skal* 'корова'); *omər-ən* 'воздух'.

El. *en'gej-nəš, P'et'a'-nəš*, но *skal dorəš; omər-əš*.

Ill. *en'gej-ne, P'et'a'-ne*, но *skale / skal puške / skal dore; omər-e*.

Egres. *en'gej-n'eš'en, P'et'a'-n'iš'en*, но *skal-iš'en / skal dor'iš'en; omər-iš'en*.

Prolat. *en'gej-n'eti, P'et'a'-n'et'i*, но *skal-eti; omər-et'i*.

Категория личности (как в единственном, так и во множественном числе), выраженная специфическими окончаниями, явно присутствует, как уже говорилось, в существительных, означающих родство (напр.: *suzer-jos* Nom.Pl. 'сестры'; ср. другие падежи: *suzer-jos-ə-nən* (*-nəš/-ne/-nəšən/-n'eti*) и др.) и свойствó. Встречается категория личности и в именах собственных, носители которых не всегда являются родственниками, но в силу каких-то причин требуют специального выделения, как, напр., в следующем разговоре:

Ira-ne mənəško (К Ире иду).

— *A kətən val?* (А где был?).

— *Makš'a-nen val* (У Максима был).

В парадигме других одушевленных личных существительных категория личности далеко не всегда бывает выражена. Отмечены случаи колебаний для слов *ad'am'i* 'человек' и *murt* 'человек (обычно чужой)': *ad'am'inəš / ad'am'i dorəš; murtjosnəš / murtjos dorəš*.

Среди приведенных выше примеров на дефектную парадигму парадигма, передающая категорию личности (которая характерна для существительных со значением родства и свойства и для имен собственных), явно относится к категории раритетных среди дефектных парадигм. Относясь к категории редких явлений в языке, категория личности исчезает из употребления, сохраняясь, в основном, в языке старшего поколения и становясь постепенно раритетным явлением.

Редким (раритетным) явлением в языке бесермян можно считать **энантиосемию** (термин, введенный В. И. Шерцлем в [Шерцль 1884]), отсутствующую, впрочем, в именах, но в единичных случаях встречающуюся в других частях речи. Слово *sajkət* может означать и 'прохладно' и одновременно 'потеплее', а по трактовке самих носителей языка, это означает 'стало удовлетворительно' (напр., когда дождь покапал и прошел). В удмуртском языке — сходная картина; слово *сайкыт* предполагает переходную картину от дождя к ясной погоде. В таком случае (судя буквально по единичным примерам из удмуртского и бесермянского языков) данное явление можно интерпретировать не как явление энантиосемии, но как «шаг в ее сторону». Это промежуточное, переходное значение от одного состояния природы к другому, когда речь может идти о значении среднем между антонимией и синонимией (ни то, ни другое или, наоборот, и то, и другое).

Однако в некоторых финно-угорских языках (напр., в коми-зырянском языке) наличие энантиосемии не вызывает сомнения (см. [Кузнецова 2010а: 137—139]). Правда, энантиосемичным может оказаться одно и то же слово, но в разных диалектах: так, в ижемском, верхне- и нижневычегодском и шести других диалектах коми языка слово *вӧй* означает ‘пугливый, боязливый’ (*вӧй ыж кодъ* ‘пугливый как овца’), а в нижневычегодском то же самое слово *вӧй* имеет еще и прямо противоположное значение ‘бойкий, непослушный, смелый’ [Сорвачева 1961]. Иными словами, прилагательное *вӧй*, имеющее в говорах нижневычегодского диалекта антонимические значения в пределах одного слова, можно назвать энантиосемичным.

В коми-зырянском с. Мужы ЯНАО для имен также характерна энантиосемия, как в следующих предложениях со словом *креж* ‘кряж’. Под кряжем понимается холмистый берег, гряда холмов с возможными крутыми, обрывистыми и пологими склонами, со спусками и подъемами: *Этия крежыс дженьыд* — ‘Этот спуск / подъем короткий’. *Крежыс абу зэй крутэй*. — ‘Спуск / подъем не очень крутой. Когда человек (житель села Мужы, испытывающий трудности при ходьбе) говорит: ‘Тян крежыс джуджыд, ог вермы ти дораныд мунны — У вас кряж большой, не могу к вам идти’, — то имеется в виду, что по улице, которая круто поднимается вверх, ему придется с трудом идти не только вверх, но и вниз при возвращении домой. В этих случаях для уточнения того, куда идет человек (вверх или вниз), вместо падежных форм имени в коми языке используются послелого, как в следующем примере: *Креж вылас мортыс каэ ступень кузяыс* — ‘На кряж человек идет по ступенькам’. Ср. также [Кузнецова 2010а: 139—143].

Энантиосемия (иначе — *внутрисловная антонимия*) встречается и во всех самодийских языках. Напр., в ненецком языке (б.-з. говор) *мал* означает и конец, и начало чего-то: *Я’ мал* ‘п/о Ямал’ (букв. ‘земля + конец’); *сехэры’ мал тамна ни ңадю*” ‘конца дороги еще не видно’; *тюр мал* ‘наконечник хорья’; *нюртей* (букв. ‘первый’) *мал* ‘начало чего-либо’. В ямальском говоре *ибцяда* означает и ‘горький’, и ‘сладкий’, а в ненецко-русском словаре Н. М. Терещенко дается значение ‘чересчур соленый’, ‘горький’, ‘кислый’, но в восточном говоре это только одно значение — ‘сладкий’, см. [Терещенко 1965]. Наречие *ибця* в большинстве говоров передает значение и ‘горько’, и ‘кисло’, и ‘чересчур солоно’, и ‘сладко’. Последнее значение — в вост. диал. То же самое можно сказать о разных глаголах с данным корнем. Все они означают ‘стать (становиться, делать, сделать что-то) горьким, кислым, соленым’, а в восточном говоре — только ‘стать сладким’.

Аналогичная картина вырисовывается и в энецком языке. Напр., глагол *батаць* в энецком языке означает 1) ‘вылить’ и ‘налить’, 2) ‘высыпать’ и ‘насыпать’ и др. [Сорокина, Болина 2009: 59]. В некоторых случаях наблюдаются расхождения в трактовке одних и тех же слов в словарях, написанных теми же авторами, но в другие годы: *сайби* ‘гнилой (прил.), скисший’ (прич.) [Сорокина, Болина 2001: 182, 207] и *сайби* (прич.) ‘кислый, гнилой, тухлый, испорченный’ [Сорокина, Болина 2009: 372]. Примером энантиосемии может служить также существительное *уб* со значениями 1) конец, 2) вершина, верхушка, 3) исток (реки), 4) окраина [Там же: 468], из которых первое, третье и последнее значения можно передать иначе (как ‘крайние точки чего-либо’) и идентифицировать их как энантиосемию.

В приведенных примерах на энантиосемию значения можно переформулировать так, что внутрисловная антонимия исчезнет: *мал* ‘край, крайняя точка чего-либо’, т. е. и ‘начало’, и ‘конец чего-либо’. Ненецкое слово *ибцяда* можно определять как ‘сильный в проявлении своих вкусовых качеств’.

Именно так поступает Н. И. Терешкин, давая перевод хантыйского слова *қындэ* как ‘крепкий (пахучий, едкий, горький, кислый)’ [Терешкин 1961: 150]. См. также [Кузнецова и др. 1980: 27].

Можно обнаружить примеры энантиосемии и в селькупском языке, но, как и в других самодийских языках, бывает трудно или спорно подобрать определение обобщающего характера — холофразис. Напр., слово *pirgy* ‘глубокий’ и ‘высокий’ можно определить как ‘большой размер при вертикальном измерении чего-либо’, а слово *tičy* можно толковать как ‘свободное для передвижения пространство (по земле, воде, по воздуху)’: напр., *kyt tičy* — ‘перешеек в реке’, *tīnolyt tičy* ‘просвет в облаках’.

В результате (как это часто наблюдается у лингвистов) одно и то же языковое явление передается несколькими разными терминами. В данном случае помимо использованных терминов *внутрисловная антонимия* и *энантиосемия* встречаются и другие обозначения для рассматриваемого явления: *антонимическая полисемия*, *изополисемия*, *многозначная антонимия* [Певнов, Урманчиева 2008/2009: 521—523].

Раритетными явлениями среди рассмотренных в финно-угорских именах существительных можно считать, таким образом, 1) вербальную категорию существительных, 2) наличие частных падежных систем; особенности падежного управления в зависимости от категории личности/неличности и 3) явление энантиосемии (внутрисловной антонимии), слабо представленное в языке бесермян, но имеющееся в некоторых других уральских языках.

3.2. Раритетные явления в грамматике глаголов

Как было показано на примере имен существительных, дефектность парадигм, рассматриваемая под новым углом зрения, воспринимается в анализируемых языках часто как раритетное явление, причем провести границу между дефектной парадигмой и раритетным явлением трудно. Нередко значения в многозначных словах уральских языков имеют некоторую ограниченность в каком-то одном из своих употреблений⁴. Наличие дефектных парадигм часто

⁴ Аналогичная ситуация наблюдается и в славянских языках. Так, в русском языке глагол *болеть* в 3Sg и 3Pl наст. вр. может означать в определенный момент реальную боль какого-то органа или части тела (*болит голова, болят ноги*, но нельзя сказать *болеет голова, болеют ноги*). Когда речь идет о человеке, страдающем какой-нибудь болезнью или испытывающем моральные страдания, заботящемся о ком- или чем-либо, глагол употребляется во всех трех лицах в единственном и множественном числах: *я (ты, он) болею, -еешь, -ет гриппом* и т. д. Среди разных значений глагола *болеть* какие-то допустимо считать редкими на фоне остальных, имеющих полную парадигму и сочетающихся в настоящее время с более широким кругом существительных, см. [Кузнецова 2008б]. То, что сейчас можно назвать раритетными формами глагола *болеть*, в прошлые века (см. [Словарь 1789]) имело иные формы спряжения: *болит, болю*. В еще более ранний период глагол *болѣти, болю* означал ‘заботиться, сугаге’, напр.: «Да разоумѣши. княже мои. яко болю ѿ тебѣ» (Послание Владимиру Мономаху от митрополита Никифора, XVI в.). Этот же глагол с приставками в значении ‘жалеть’, функционирующий как переходный и непереходный, сохранился в русских диалектах: *Поболей ты его* ‘Пожалей ты его, позаботься о нем’ (Яросл., 1853). Иногда, по свидетельству В. И. Даля, в диалектах встречается сочетание ‘человек *болит*, дерево *болит*’ вместо ‘болеет, хворает’ (применительно к человеку). Аналогична судьба глаголов *бороть* ‘одолевать в борьбе’, *каять* ‘порицать, осуждать кого-либо; заставлять каяться, исповедовать кого-либо’, функционирующих как транзитивные: ‘Старого не бьют, мертвого не кают. Не наше дело попа *каять*’ и другие. В литературном языке приведенные слова встречаются только как непереходные с возвратной частицей *-ся*. Сохранившиеся в некоторых диалектах слова, подобные глаголам *каять, бороться*, имеют шансы проникнуть (напр., через интернет) со временем и в литературный язык, восстановив исчезнувшую в свое время категорию переходного глагола. Подобный процесс можно наблюдать на примере упоминавшегося ранее глагола *этовать*, воспринимаемого пока как раритетное слово.

бывает связано с семантикой слова. Или можно сказать иначе: возможно, именно семантика определяет дефектность парадигмы в языке. Напр., в языке бесермян глаголы со значением болевых ощущений или при описании физического состояния человека могут употребляться в безличном предложении, как, напр.: *p'el'am žang'ete* означает 'в ухе звенит' (букв. 'в ухе-моем звенит'); *urdes-me baška* 'бок мой (в боку) колет'; *šüläme baška* 'сердце колет'. Ср. примеры из удмуртского языка: *монэ куалекъятэ/кезегъятэ* 'меня знобит' (от глагола *куалекъятыны/кезегъятыны* 'лихорадить, трясти, знобить') употребляются как в безличной форме, так и в двусоставном предложении, но только в 3-м лице единственного числа настоящего и/или прошедшего времени.

Глаголы, обозначающие явления природы в русском языке разного типа (*светает, светало, светлеет; меркнет, смеркается, смеркалось; вчера мело; потеплело; моросит*), используются сейчас только в 3-м лице наст. и прош. времени. В таких предложениях отражаются анимистические представления древних о действиях божеств, которые 'дождили, снежили' и т. д.

Предложения подобного типа встречаются также в финно-угорских языках, но имеют порою свою специфику. Напр., в удмуртском языке сказуемое безличного предложения может при обозначении явлений природы употребляться параллельно с подлежащим в двусоставных предложениях: *зоре* (< *зорыны* 'дождить') = *куазь зоре* 'дождит' (букв. 'погода дождит'); *сактэ* (< *сактыны* 'рассветать, светать') = *куазь сактэ* 'светает' (букв. 'природа/погода светает'). В языке бесермян допускаются оба варианта обозначения явлений природы; и в том, и в другом случае налицо дефектность парадигмы. Глаголы из данной семантической группы встречаются только в 3-м лице: *Tolon zol gepatiz* 'Вчера сильно пуржило'; *tolon čil'ikjaz da guder'jaz, sobere zoriz* 'Вчера молнило (была молния) и гроыхало, потом дождило (был дождь)'. *Inmaren gudärte* 'В небе гроыхнуло'. *Tunne zol konte.* 'Сегодня сильно подмораживает'. Та же картина наблюдается и в двусоставных предложениях: *Šunde pote* 'Солнце взошло'; *šunde žarde* 'солнце всходит (показалось наполовину)'. *Šunde pukš'e* 'Солнце садится'; *Vistem-voštem čilekja* 'Беспрерывно молния сверкает' и др. (ПМА, собиравшиеся в д. Шамардан Юкаменского р-на Удмуртии в 2003, 2004, 2005, 2009 и 2010 гг. в рамках проектов РФФИ 10-06-00550а; 11-06-10035к).

Как видно из описания нескольких глагольных групп, наличие дефектных парадигм в глаголах связано с их семантикой: при обозначении явлений природы, болевых ощущений и в некоторых других случаях глаголы функционируют только в 3-м лице единственного и множественного чисел. Известная ограниченность в сочетаемости слов определенной семантики с определенными ограничениями в глагольных парадигмах позволяет говорить в таком случае если не о раритетном явлении, то о приближении к нему.

4. Некоторые выводы общего характера

Анализ именных и глагольных парадигм в языке бесермян, собранных во время пяти экспедиций в д. Шамардан и в несколько других близлежащих сел (Ворца, Жувам, Абашево), проводился безотносительно к тому, многочисленны, часты подобные парадигмы или единичны, редки. В пределах же дефектных парадигм, встречающихся достаточно часто в языке бесермян, выделялись явления раритетные и среди существительных, и среди глаголов. Некоторые раритеты в языке бесермян вызывают сомнение, как, например, явление энантиосемии, о котором, тем не менее, шла речь, поскольку в нескольких других уральских языках (приводимых для сравнения) энантиосемия имеет место.

В рамках семантической группы имен родства и свойства были установлены специфические (и очень редкие) падежные формы слов этих групп в зависимости не только от категории одушевленности или неодушевленности, но и от принадлежности слов к категории личности/неличности, что и было показано на примере языка бесермян.

К раритетным явлениям в языке бесермян можно отнести также случаи спряжения существительных в семантических группах имен родства и свойства. В удмуртском языке вербализация имени наблюдается в наименованиях людей по месту их жительства.

Анализ глаголов позволил установить зависимость особенностей в спряжении ряда глаголов от их семантики. К числу таких глаголов относятся, напр., глаголы в 3-м лице со значением болевых ощущений, глаголы, обозначающие явления природы. И те, и другие функционируют только в 3-м лице единственного числа настоящего и прошедшего времени.

Раритеты разного типа, продемонстрированные на примерах из некоторых уральских языков, как правило, не встречаются все во всех языках уральской семьи, а там, где они обнаружены, обычно имеют каждый свою специфику.

Список литературы*

* В список литературы включены словари и грамматики, используемые в работе в качестве справочного материала, но не упоминаемые в тексте статьи.

- Вахрушев 1983 — *Вахрушев В. М.* (ред.). Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983.
- Даль 1955 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
- Евсевьев 1929 — *Евсевьев М. Е.* Основы мордовской грамматики. Эрзянь-грамматика. М.: Центриздат, 1929.
- Ельмслев 1972 — *Ельмслев Л.* О категории личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // *Успенский Б. А.* (отв. ред.) Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
- Кельмаков 1998 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998.
- Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2006.
- Кузнецова 2004 — *Кузнецова А. И.* Синкретизм значений и грамматические особенности терминов родства и свойства в некоторых уральских языках // Сравнительно-историческое и общее языкознание: Сб. статей. М.: Добросвет, 2004. С. 143—156.
- Кузнецова 2007 — *Кузнецова А. И.* Термины родства и свойства в языке бесермян: опыт использования комплексных методов работы в полевых условиях // Полевая лингвистика. Сб. мат-лов Первого междунар. симпозиума. М.: ИЯ РАН, 2007. С. 178—200.
- Кузнецова 2008а — *Кузнецова А. И.* ‘Know-how’ Н. В. Лукиной как исходная точка для сравнения языков и культур разных народов // Археология и этнография Приобья: Мат-лы и исслед. Сб. трудов кафедры археологии и этнологии. Вып. 2, Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. С. 81—91.
- Кузнецова 2008б — *Кузнецова А. И.* Дефектные парадигмы и их разновидности в уральских языках. // Материалы X Междунар. конгресса финно-угроведов. Ч. IV. Лингвистика. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. С. 409—415.

- Кузнецова 2008/2009 — *Кузнецова А. И.* О чем могут рассказать маргиналии в полевых тетрадах Л. А. Варковицкой // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2008/2009. S. 363—373.
- Кузнецова 2010а — *Кузнецова А. И.* Явление энантиосемии в уральских языках (на примере коми, ненецкого, селькупского языков) // *Материалы 3-й Междунар. науч. конф. по самодистике*. Новосибирск: Любава, 2010. С. 135—143.
- Кузнецова 2010б — *Кузнецова А. И.* «Карнавал животных» и проблемы ретрогностики (на примере уральских языков) // *Проблемы компьютерной лингвистики*. Вып. 4. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010. С. 126—133.
- Кузнецова и др. 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Лыткин 1961 — Лыткин В. И. (ред.). *Коми-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
- Лыткин, Гуляев 1999 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.
- Майтинская 1955 — *Майтинская К. Е.* Венгерский язык. Ч. 1. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955.
- Певнов, Урманчиева 2008/2009 — *Певнов А. М., Урманчиева А. Ю.* Неординарная изополисемия в некоторых языках северной Азии // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2008/2009. S. 519—556.
- Пешковский 1934 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1934.
- Попова 2004 — *Попова Е. В.* Календарные обряды бесермян. Ижевск: Удмурт. Ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2004.
- Сахарова, Сельков 1976 — *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.
- Сий 1998 — *Сий Э.* Термины родства и свойства в удмуртском языке. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1998.
- Словарь 1789 — *Словарь Академии Российской*: Ч. 1. СПб.: При Импер. Акад. Наук, 1789.
- Сорвачева 1961 — *Сорвачева В. А.* (ред.). Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.
- Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий. СПб: СПб филиал изд-ва «Просвещение», 2001.
- Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком. СПб: Наука, 2009.
- Сорокина 2010 — *Сорокина И. П.* Энецкий язык. СПб: Наука, 2010.
- Терешкин 1961 — *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Толстой 1963 — *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного запаса // *Вопросы языкознания*. 1963. № 1. С. 29—45.
- Филин 1972 — *Филин Ф. П.* (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 9. Л.: Наука, 1972.
- Шаховский 1993 — *Шаховский А. П.* Народно-песенная культура бесермян. М.: НВ Магистр, 1993.

Шерцль 1884 — *Шерцль В. И.* О словах с противоположным значением // Филологические записки. Вып. I. Воронеж: Типография В. М. Исаева, 1884. С. 41—84.